

Праксиологический взгляд на ход истории

*Д.А. МАЧЕРЕТ**

***МАЧЕРЕТ Дмитрий Александрович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского университета транспорта. Адрес: Москва, 127994, ул. Образцова, д. 9, стр. 9. E-mail: macheretda@rambler.ru

В статье представлен взгляд на развитие исторического процесса с позиций праксиологии – науки о человеческой деятельности. Показано, что основой как закономерностей и общих тенденций (векторов) исторического развития, так и его многовариантности является деятельность удовлетворяющих свои потребности и создающих для этого различным образом организованные социумы индивидов – субъектов исторического процесса. Раскрыто различие между историческими закономерностями и законами природы. Предложен новый взгляд на выдвинутую Ф. Фукуямой концепцию “конца истории”, который следует понимать не как достижение социумом совершенного и неизменного состояния, а как формирование не имеющего конкурентоспособной альтернативы глобального сетевого общества, способного, претерпевая изменения, совершенствоваться и обновляться без разрушения своих базовых основ. При этом сетевые общественные структуры и институты вступают в конфликт с иерархическими, которые, хотя и не являются исторически перспективными, далеко еще не ушли в прошлое. Дальнейший ход истории не предопределен и будет зависеть от действий людей, удовлетворяющих свои изменяющиеся потребности, реализующих соответствующие интересы и отстаивающих многообразные ценности.

Ключевые слова: законы истории, праксиология, потребности, экономический рост, разделение труда, обмен, социальная эволюция, единство и многообразие исторического процесса, авторитарно-иерархическая модель, рыночно-сетевая модель, “конец истории”.

DOI: 10.31857/S086904990009200-2

Цитирование: Мачерет Д.А. (2020) Праксиологический взгляд на ход истории // Общественные науки и современность. № 2. С. 176–190. DOI: 10.31857/S086904990009200-2

Praxeological view on the course of history

*Dmitry A. MACHERET**

***Dmitry A. Macheret** – D.Sc. (Economics), professor, head of a department of Russian University of Transport. Address: 9, p. 9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation.
E-mail: macheretda@rambler.ru

Abstract: In this article presented a view of development of the historical process from the perspective of praxeology. Author try to demonstrate that the basis of patterns, general trends and large variety of historical development is the activity of the subjects of the historical process that satisfied their needs. The distinction between historical patterns and laws of nature is revealed. A new view on the concept of the “end of history” put forward by F. Fukuyama is proposed. In the author’s interpretation, the concept should be understood as the formation of a global network society that does not have a competitive alternative, which is capable of improving and updating without destroying its basic foundations. At the same time, network social structures and institutions come into conflict with hierarchical structures. These structures are not historically promising but not a thing of the past. The author concludes that the further course of history is not predetermined and will be determined by the actions of people who satisfy their changing needs and realize the corresponding interests and uphold diverse values.

Keywords: laws of history, praxeology, needs, economic growth, division of labor, exchange, social evolution, unity and diversity of the historical process, authoritarian and hierarchical model, network model of market, “end of history”.

DOI: 10.31857/S086904990009200-2

Citation: Macheret D. (2020) Praxeological view on the course of history. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 176–190. DOI: 10.31857/S086904990009200-2 (In Russ.)

В настоящее время, когда все явственнее обозначаются контуры новой эпохи – эпохи интеллектуальной цивилизации, усиливается реакция консервативных, даже архаических сил, пытающихся остановить происходящие изменения [Мачерет 2019^a]. Можно согласиться с мнением Р. Фюкса о том, что “ситуацию в мире определяет... конфликт между Модерном и реставрацией в рамках отдельных обществ” [Фюкс 2016, с. 305].

Подобная ситуация уже возникала и при переходе от “долгого Средневековья” [Le Goff 2010] к эпохе Нового времени, когда формировалось общество “более открытое и для многих более счастливое, нежели удушливое феодальное общество” [Ле Гофф 2005, с. 133], и, затем, в ходе становления эпохи индустриализации и современного экономического роста, когда расставание со “старым режимом” в Западной Европе потребовало серии революционных потрясений в период 1789–1848 гг. [Баткин 2013].

К еще более драматичным последствиям – появлению ряда авторитарных и тоталитарных режимов и двум мировым войнам – привела архаическая реакция на модернизацию первой половины XX в. А в XXI в., когда, возможно, “мы приближаемся к величайшему скачку в истории” [Моррис 2016, с. 590], также нельзя исключить весьма драматичное развитие событий. Как отмечает Н. Розов, “будущее видится не однозначно оптимистическим или пессимистическим, а крайне разорванным и драматичным” [Розов 2015, с. 160].

Что управляет ходом истории?

“Человеческое стремление к пониманию дороги, которая ведет в будущее, неистребимо” [Ясин 2011, с. 6], а в периоды глобальных социально-экономических изменений, сопровождаемых “турбулентностью”, при приближении к точкам бифуркации, оно, безусловно, усиливается, как и стремление понять – что управляет ходом истории? Что стоит за многообразием исторических явлений – периодами прогрессивного развития и провалами в “темные” века, революциями и реставрациями старых порядков, реформами и контрреформами? “Железные законы истории” или случайности? Материальные интересы или идеи? А если в истории есть законы, то носят ли они универсальный характер или различаются для разных исторических эпох, цивилизаций, стран?

Исследователи по-разному отвечают на эти вопросы. Поскольку анализ всего спектра мнений по данной проблематике выходит за рамки журнальной публикации, целесообразно остановиться лишь на некоторых характерных и значимых суждениях.

Д. Норт и Л. фон Мизес отрицают существование законов истории (законов развития общества)¹. Норт так аргументирует эту позицию: “Мы создавали и создаем общества, являющиеся уникальными по сравнению со всем, что имело место в прошлом” [Норт 2010, с. 36]. Причина этой уникальности, по Мизесу, “состоит в том, что каждое историческое событие – это достижение цели действия идей, отличающихся от тех, которые действовали в других исторических состояниях” [Мизес 2009, с. 201]. Однако, по мнению Дж. Хикса, уникальность исторических событий – не препятствие и для их типизации и, затем, для выявления закономерностей развития. “Любое историческое событие в каком-то отношении уникально, но всегда имеются иные аспекты, в свете которых это событие может быть отнесено к определенной группе, в ряде случаев весьма обширной... Что может помешать нам рассматривать историю мировой экономики как единый процесс, характеризующийся... определенной тенденцией?” [Хикс 2006, с. 20, 25].

Такие тенденции (векторы развития) выделяются не только в экономической истории, но и в мегаистории. Как отмечал А. Назаретян, “удалось выделить шесть тесно переплетенных векторов, прослеживаемых на протяжении 2 млн лет”. При этом “преобладающие векторы социального развития оказались продолжением тех мегатенденций, которые прослеживаются в эволюции биосферы и далее в космофизической эволюции метagalктики” [Назаретян 2015, с. 757, 755].

У А. Пелипенко видим наличие следующей мегаэволюционной тенденции: “...движение ко все более автономным и самодостаточным формам, уплотнение и сжатие поведенческих программ, переходящее в *свободу*. Действие этой тенденции, о какой достоверно свидетельствует весь космоэволюционный процесс, с той же достоверностью продолжается и в человеческой истории” [Пелипенко 2011, с. 56]. А например, Л. Баткин отстаивал существование не только “вектора истории”, но и “*специфически* труднодостижимых” законов истории [Баткин 2013, с. 21–22, 59].

Векторы или законы исторического развития выделяются, как правило, на основе анализа исторических макропроцессов [Коротяев, Малков, Халтурина 2005] или даже мегаэволюционных процессов [Назаретян 2012]. Перефразируя Назаретяна, можно сказать, что такой подход ограничивается «сравнительно более простыми вопросами типа “для чего?” и “как?”», но не снимает «самые острые вопросы, начинающиеся словом “почему?”» [Назаретян 2012, с. 124].

Представляется, что для ответов на вопросы такого рода надо с мега- или макроуровня спуститься на микро- и даже наноуровень – уровень индивидов как субъектов, акторов исторического процесса, стремящихся к удовлетворению своих потребностей, реализации собственных целей, отстаивающих присущие им ценности. Ведь “основой социального процесса является индивидуум со своими желаниями и тревогами, страстями и убеждениями” [Фромм 2003, с. 5]. Все это не просто снedaет людей, но направляет человеческую деятельность. “История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность – это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными” [Мизес 2009, с. 200–201]. Эту позицию разделяет и Р. Арон, отмечая, что “действия людей... только они суть то, в чем заключается и через что осуществляется историческое становление”. Поэтому “рациональность... истории связана... с природой... человеческого действия”

¹ О соотношении понятий “общественные законы”, “исторические законы” и “социологические законы” см., в частности, [Гринин 2006].

[Арон 2010, с. 69, 74]. Таким образом, движение истории уходит корнями в человеческую деятельность, а значит, может рассматриваться с позиций праксиологии – науки о человеческой деятельности [Мизес 2008].

Сущность праксиологического подхода

“Доктрины праксиологии выводятся из трех универсальных аксиом: главной (человеческие действия целесообразны) и двух постулатов второго плана – аксиомы *разнообразия* человеческих умений и природных ресурсов и аксиомы отрицательной полезности труда” [Ротбард 2010, с. 316]. Целесообразность действий человека означает, что они направлены на улучшение его существования (исходя из его субъективных представлений о том, что хорошо, а что плохо. Лучшее (относительно) состояние означает и лучшее удовлетворение потребностей, причем не только материальных. Мнение о том, что первопричина человеческих действий – не в мышлении, а в потребностях людей, было высказано еще основоположниками марксизма. При этом в процессе удовлетворения существующих потребностей происходит не только их количественное увеличение, но и качественный рост – появление и повышение значимости потребностей более высокого уровня (социальных, духовных)².

Количественное и качественное возрастание потребностей стимулирует экономический рост – одно из важнейших явлений в истории человечества. Хотя большую ее часть темпы экономического роста были очень низки, но все же превышали темпы роста населения. Так, с начала новой эры по 1700 г. мировой ВВП, по оценкам Э. Мэддисона, увеличился более чем в 3,5 раза, а численность населения мира – почти в 2,7 раза. Соответственно, подушевой ВВП, являющийся ключевой характеристикой благосостояния людей, возрос почти на треть. С начала эпохи современного экономического роста (рубежа XVIII–XIX вв.) динамика ВВП кардинально ускорилась, что сделало возможным гораздо более быстрый рост численности населения одновременно с беспрецедентным повышением благосостояния людей. Менее чем за столетие, с 1820 по 1913 г., мировой ВВП увеличился вчетверо, а численность населения – в 1,7 раза [Мэддисон 2012, с. 570–571, 564–565].

В дальнейшем динамика роста общего и подушевого ВВП еще более ускорилась.

Следует подчеркнуть, что экономическому росту способствовало возрастание не только материальных, но и социальных, и духовных потребностей. Он был бы невозможен без качественных изменений в социальных взаимоотношениях, отвечавших новым запросам людей прежде всего в наиболее передовых странах (Нидерландах, Англии, Франции). И точно так же современный экономический рост был бы невозможен без качественных изменений (неважно, как их трактовать – в накоплении, распространении и, самое главное, в использовании знаний – трактовать ли их как научную революцию [Lin 2012] или, более осторожно, как “промышленное просвещение” [Mokyr 2002]).

Конечно, возрастание социальных и духовных потребностей важно для истории в силу их влияния не только на экономический рост и благосостояние людей, но и на самого человека – субъект исторического процесса, и общество как “совокупность людей” [Ротбард 2010, с. 23]. Примечателен тезис И. Яковенко, что “история есть процесс качественного изменения общества и человека” [Яковенко 2011, с. 299]. А Э. Фромм, отмечает: “...реагируя на изменения во внешнем мире, человек меняется сам, ломает свою прежнюю психологию, что в дальнейшем способствует развитию экономических и социальных процессов” [Фромм 2003, с. 380].

² Иерархия потребностей и актуализация потребностей более высокого уровня по мере удовлетворения тех, которые находятся на нижних уровнях “пирамиды потребностей”, подробно описаны А. Маслоу [Maslow 1954].

Нельзя также не отметить детальный анализ изменения природы человека в ходе истории, выполненный З. Оруджевым [Оруджев 2009]. А Пелипенко выделил три социокультурных и ментальных типа исторических субъектов, сменивших друг друга в ходе качественных изменений человека и общества: “родовой индивид”, “паллиат” и “личность” [Пелипенко 2011]. Поэтому представляется принципиально неверным пытаться выводить законы истории из мотивов поведения людей, рассматриваемых как неизменные во времени [Суетов 2018].

Каковы же механизмы развертывания исторического процесса в ходе целесообразной деятельности людей, удовлетворяющих свои возрастающие потребности?

Развертывание исторического процесса

Упомянутое выше (в качестве одного из постулатов праксиологии) разнообразие человеческих умений и природных ресурсов, доступных тому или иному человеку или группе, заставляет людей для достижения “более удовлетворительных обстоятельств” своей жизни, во-первых, прибегать к разделению труда, специализации, а во-вторых, вступать в отношения обмена друг с другом. Напомню, что именно с разделения труда начал анализ А. Смит в своей классической книге [Смит 2009]. Первоначально все это происходило в рамках “малых групп”, среди ежедневно взаимодействующих друг с другом индивидов. Обмен был неявным, “встроенным” в систему внутригруппового разделения труда (имевшего половозрастную основу), при которой специализированные навыки отдельных людей были комплементарными ресурсами для достижения общего результата – обеспечения группы всем необходимым для выживания. Межгрупповой обмен носил, как правило, эпизодический характер.

Рост численности населения, описываемый гиперболической моделью [Каница 2012, с. 34–36] и сопровождавшийся количественным и качественным возрастанием потребностей людей, требовал углубления специализации, а следовательно, значительных социальных изменений – формирования более крупных групп и осуществления межгруппового и межрегионального обмена. Последний стал жизненно необходим при переходе к оседлому образу жизни, производящему хозяйству и началу урбанизации и, в свою очередь, потребовал развития транспорта, которое имело далеко идущие последствия в виде все более широкого географического распространения цивилизации и “расширенного порядка человеческого сотрудничества” [Мачерет 2014].

Семейно-клановые группы (низовые ячейки неолитического социума) структурировались в племена – наиболее раннюю и примитивную форму политогенеза, доходившего до стадии протогосударства; затем возникали очаги урбанистической цивилизации – ранние государства, в дальнейшем развивавшиеся и укрупнявшиеся [Васильев 2011, с. 13–22]. В процессе всех этих трансформаций формировалась и укреплялась четкая иерархическая структура общества³, и возник феномен “власти-собственности”, суть которого состоит в том, что “собственность рождается как функция воли и владения, как функция власти” [Васильев 2007, с. 139]. Такую организацию общества, сформировавшуюся на заре истории древних цивилизаций, можно назвать традиционным обществом.

Что касается межрегионального разделения труда и обмена продукцией, то эта задача решалась в двух вариантах – “имперском” и “рыночном” [Мачерет 2019^a, с. 157]. “Имперский” вариант заключался в насильственном объединении в рамках укрупнявшихся государств, самые крупные из которых превращались в империи (Ассирийская, Персидская и др.) различных регионов, специализировавшихся на производстве разнород-

³ Впрочем, она уходит корнями в “ранговые” структуры, унаследованные человеком из животного мира (см., например, [Оруджев 2009; Лоренц 2008]).

ных благ (продуктов растениеводства, скотоводства, металлов и др.). Межрегиональный обмен осуществлялся как благодаря централизованной редистрибуции в рамках иерархических общественных структур, так и в рамках внутренней торговли. “Рыночный” вариант был впервые реализован в финикийских, а затем – греческих городах-государствах. Он обеспечивал устойчивые взаимосвязи между удаленными регионами на основе создания городов-колоний и торговли с ними.

Если “имперский” вариант реализовывался в рамках традиционного, иерархического общества, то “рыночный” базировался на “социальной мутации”, к которой вплотную приблизились финикийские города, но в полной мере она реализовалась в древнегреческих полисах [Васильев 2007; Васильев 2011]. “Мутация состояла в том, что взамен деспотической иерархии в качестве основы социального устройства возникла рыночная плоская сетевая структура” [Ясин, Снеговая 2009, с. 11]. Возникновение социальных мутаций, не предсказуемых и не объясняемых однозначно даже в ретроспективе [Баткин 2013, с. 81], свидетельствует о том, что пути истории – не предначертаны, они “выбираются в результате множества проб и ошибок” [Паин 2009, с. 20]. Следовательно, исторический процесс направляется не “железными законами”, а естественным ходом социальной эволюции, в рамках которой осуществляется “действующий через подражание отбор успешных институтов и привычек”, а «группы, придерживающиеся “неправильных” представлений, приходят в упадок» [Хайек 2018, с. 85, 58].

На все описанные процессы накладывается еще одна упомянутая выше аксиома праксиологии – отрицательная полезность труда, стимулирующая внедрение трудосберегающих инноваций, повышение производительности труда с ростом уровня благосостояния и удовлетворением наиболее насущных потребностей, относящихся к нижним уровням их иерархии, – сокращение рабочего времени и увеличение продолжительности досуга. Трудосберегающие инновации также распространяются через подражание, а общества, достигшие в их реализации наибольших успехов, становятся лидерами по уровню развития и благосостояния.

Очевидно, что при схожем уровне развития материальной и духовной культуры, в схожих природных условиях эффективными с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей оказываются схожие общественные институты. Это послужило для основоположников марксизма и их последователей основанием к тому, чтобы выводить производственные отношения (а вслед за ними и так называемую “надстройку” – культуру, идеологию и т.п.) из уровня развития производительных сил, а для современных историков – делать вывод о единстве “закономерностей исторического процесса”, которые “равно прослеживаются как в Европе, так и на противоположном конце Евразии... и даже в Южной Америке” [Дьяконов 2007, с. 14].

Закономерности действительно имеют место, но они объясняются не существованием неких неумолимых законов, по которым развивается исторический процесс, *предшествующих* этому развитию. Закономерности складываются в *ходе* человеческой деятельности, формирующей общество и его эволюцию, направляющей ход истории. Можно сказать, что законы истории “вырастают” из самой истории – это не внешняя необходимость, подобная шпенглеровской исторической “судьбе” [Шпенглер 1993, с. 247–316], а необходимость внутренняя, вытекающая из логики человеческой деятельности, обусловленной удовлетворением человеческих потребностей.

При этом “необходимость провоцирует альтернативность, и они “разрешаются друг в друге”. Каждый новый исторический цикл – это “новая более или менее случайная проба истории” [Баткин 2013, с. 80]. Баткин справедливо отмечает “альтернативность прорывов в качественно иное будущее... поражения, откаты, отсталые зоны, наконец, чудовищные реакционные катаклизмы”. При этом, по его мнению, “то обстоятельство, что историческая необходимость всякий раз принимала вид неповторимой особенности...

не поддается исчерпывающему рациональному объяснению” [Баткин 2013, с. 78–79, 81]. Представляется, что такое рациональное объяснение (хотя, может быть, и не исчерпывающее) можно сформулировать, исходя из того, что праксиологическая основа исторического процесса определяет не только его единство, но и многообразие.

В разных условиях обеспечивали лучшее существование большего числа людей и, следовательно, оказывались жизнеспособными, различные общественные структуры и институты. При этом “варианты возникновения древних цивилизаций еще жестко связаны с климатом, почвами, рельефом и ирригацией” [Баткин 2013, с. 78]. Если в долинах “великих исторических рек” [Мечников 2013], в условиях “ирригационного общества” [Wittfogel 1957] сложились и оказались жизнеспособными в течение нескольких тысячелетий иерархические общественные структуры с деспотической системой правления, то в Средиземноморье – полисная система, демократические и республиканские институты [Васильев 2007; Васильев 2011; Ясин, Снеговая 2009].

В настоящее время на общественные институты существенно влияет возможность извлечения ресурсной (прежде всего, углеводородной) ренты. Как показали Норт, Уоллис и Вайнгаст, наличие крупных запасов нефти искажает корреляцию “между политическим и экономическим развитием”, делая возможным высокий доход на душу населения при низком уровне демократии [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 42–43].

Не меньшее (а в современных условиях – даже большее) влияние на многообразие исторического процесса оказывает разная структура потребностей, доминирующая в различных обществах, которая, в свою очередь, влияет на господствующую там систему ценностей. Так Р. Инглхарт выявил, что в менее развитых странах, с низким уровнем жизни, преобладают ценности *выживания*, такие как обеспечение экономической и физической безопасности, реализация материальных потребностей и т.п., а в высоко-развитых странах – ценности *самовыражения* – свободы, прав человека, удовлетворения духовных потребностей [Inglehart 1997]. И это вполне естественно: человеку, у которого не в полной мере удовлетворены витальные и социальные потребности, выживание (в большинстве случаев) важнее самовыражения. Как отмечает Е. Ясин, “ценности выживания ближе бедным, а самовыражения – богатым”. В то же время, ценности играют ключевую роль в формировании институтов, а институты воздействуют на ценности [Ясин 2013, с. 275, 291]. Реализация потребностей, в свою очередь, осуществляется в рамках сложившихся институтов [Acemoglu, Robinson 2012].

Все это испытывает влияние сложившихся традиций – “эффекта колеи”. Поэтому не удивительно, что общества нередко попадают в своеобразные исторические “ловушки”, когда традиционные ценности поддерживают архаические институты, а последние не позволяют обществу развиваться и обеспечивать устойчивое удовлетворение и возвышение человеческих потребностей [Аузан 2007; Плискевич 2010; Плискевич 2016; Балацкий 2012; “Особый путь...” 2018]. Типичность такой ситуации может рассматриваться как ключевая причина “великого расхождения” между богатыми и бедными странами, возникшего в эпоху современного экономического роста в начале XIX в. и, несмотря на отдельные показательные примеры перехода из категории бедных в категорию богатых стран (Япония, Южная Корея, Сингапур и др.), в целом сохраняющегося в качестве одной из важнейших глобальных проблем [Pomeranz 2000; Clark 2007; Fukuyama 2008; Allen 2011].

Следует отметить важную роль удовлетворения возвышающихся потребностей как фактора исторического развития еще в двух аспектах. Во-первых, они – своеобразная “пружина”, возвращающая общество к нормальной жизни после революционных катаклизмов, которые характерны не только для Новой и Новейшей истории, но прослеживаются с глубокой древности [Goldstone 2013]. Это возвращение уже в первые после-революционные годы уловил В. Маяковский, увидевший главную угрозу коммунизму в “обывательском быте”, то есть в стремлении людей к благополучной, упорядоченной,

обеспеченной жизни. Успешно это стремление реализовывали, в первую очередь, бывшие революционеры, ставшие новой элитой общества [Слезкин 2019, с. 178–183, 454, 563, 591–592]. И в целом в обществе при всяком ослаблении революционного накала и послереволюционного террора возникает стремление к нормальной жизни, в которой доминируют личные и семейные интересы. Оно так или иначе, приводит к “выздоровлению” общества после революционной “лихорадки”: сначала к частичной нормализации общественной жизни во всех сферах [Фицпатрик 2018, с. 269–295], а затем и к “осуществлению культурного прорыва к частной жизни”, который делает “общество гораздо более инклюзивным” [Трудолобов 2015, с. 180].

Во-вторых, взаимоподдерживающие процессы возрастания потребностей и богатства людей (которое начинается, естественно, с верхних этажей общественной “пирамиды”, но постепенно, хотя и неравномерно, распространяется на нижние) вызывают запрос на гарантии собственности, а значит, ставят проблему верховенства права, что является одним из ключевых (“пороговых”) условий перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа, доминирующим в наиболее развитых странах современности [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011].

Следует отметить, что современный глобальный мир, с одной стороны, делает наглядным преимущество порядков открытого доступа (“инклюзивных институтов” по Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсону), а значит, делает их привлекательными для представителей традиционных обществ. С другой стороны, происходит сдерживание их распространения, так как это дает возможность представителям экономической и политической элиты традиционных обществ существовать как бы в двух мирах: извлекать рентные доходы в обществе “закрытого доступа”, а реализовывать их в обществе “открытого доступа”, пользуясь всеми преимуществами последнего, но лишая возможности своих соотечественников распространить эти преимущества на собственную жизнь.

Как понимать “конец истории”?

Желание “заглянуть в будущее”, как отмечалось в начале статьи, стимулирует стремление понять движущие силы и тенденции исторического процесса. В свою очередь, формирование определенного взгляда на ход истории вызывает искушение спрогнозировать его перспективу. К этому надо относиться весьма осторожно, памятуя полуанекдотический афоризм, что очень трудно сделать точный прогноз, особенно о будущем. Даже детально выстроенная схема эволюции общественного развития на протяжении тысячелетий обладает, как правило, невысокими прогностическими способностями на период всего в несколько десятков лет (см., например, [Тойнби 1991; Сорокин 2006]). Не наступил и предсказанный (впрочем, не безапелляционно) Ф. Фукуямой три десятилетия назад благополучный “конец истории” [Фукуяма 1989]. Констатация этой прогностической ошибки стала “общим местом” у историков, социологов, философов, экономистов (см., например, [Оруджев 2009; Баткин 2013; Андреев 2015; Рубцов 2019]).

Однако за признанием того, что “конец истории” не состоялся, и анализом ошибок Фукуямы, зачастую упускается главное. Фукуяма указывал, что «либеральная демократия *может* (курсив мой. – Д.М.) представлять собой “конечный пункт идеологической эволюции человечества” и “окончательную форму правления в человеческом обществе”, являясь тем самым “концом истории”» [Фукуяма 2005, с. 7]. Однако в завершение своих рассуждений он отмечал, что “доступные нам свидетельства... не дают возможность сделать такое заключение (в качестве безальтернативного. – Д.М.)” [Фукуяма 2005, с. 505].

Ключевой, на мой взгляд, вывод Фукуямы не в том, что “конец истории” наступает или неминуемо наступит в недалеком будущем, а в том, что *реальной* альтернативы (если, конечно, не рассматривать варианты упадка или катастрофы) рыночному обще-

ству, в котором обеспечивается верховенство права и индивиды свободно действуют для достижения своих собственных целей, не существует. Потому что именно в таком обществе “наилучшим образом и в каком-то смысле сбалансированно” [Фукуяма 2005, с. 503] удовлетворяются разнородные человеческие потребности. “Конец истории” (если продолжать использовать этот термин) состоит не в том, что общество достигло совершенного состояния, которое “отлито в граните” и может оставаться неизменным, а в том, что сформировалось глобальное сетевое общество, способное, бесконечно изменяясь, совершенствоваться и обновляться без разрушения целого.

Однако миллиарды людей все еще живут в условиях доминирования иерархических структур и присущих им институтов. Конфликт между сетевыми и иерархическими общественными структурами, присущими им институтами и идеологиями – ключевой конфликт современности. И в силу нарастания этого конфликта кажется, что Фукуяма обманулся. Но альтернативы сетевому капиталистическому обществу действительно нет. Показательно, что даже один из ведущих левых мыслителей современности, Й. Терборн, отмечает: “...нет никаких видимых признаков системной стагнации [капитализма]” и “следует ожидать продолжения капиталистического поступательного развития новых технологий”. Экономическая динамика “обеспечивается капитализмом”, и даже после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. “не было предложено никакой альтернативной идеологии” [Терборн 2015, с. 132, 304].

То постоянное стремление людей к улучшению своего положения, о котором еще в XVIII в. писал А. Смит, в современных условиях не может быть реализовано в обществе сословном или авторитарном. “Современный мир создали люди свободы, и вырастить другой пантеон современности авторитаризм не в силах...” [Рубцов 2019, с. 8].

Для понимания хода исторического процесса важно, что не только осознание ценности свободы, но и самый “приземленный” частный интерес размывает, в конце концов, сковывающие действующих субъектов архаические традиции и институты, размывает иерархические структуры и способствует формированию сетевого общества. А частный интерес всегда, так или иначе, пробивает себе дорогу сквозь традиционалистские или идеократические барьеры. (Примечательно, что уже через несколько лет после негодования по поводу обывательского быта Маяковский написал, по сути, оду улучшению бытовых условий – “Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру”, а в поэме “Хорошо!” восславил достигнутое в период нэпа товарное изобилие.)

Движение к торжеству частного интереса и способствующего этому устройства общества происходит в двух направлениях. С одной стороны, общественные структуры и институты, благоприятные для реализации частных интересов индивидов, вырастают изнутри иерархических, командных систем: “...успешная командная система создает собственных могильщиков. Прежде всего, это сама номенклатура, которой просто хочется жить без страха перед диктатором...” [Дерлугьян 2013, с. 54]. С другой стороны, уже оформившиеся общественные структуры и институты, обеспечивающие удовлетворение возрастающих потребностей индивидов (в терминологии И. Яковенко – “культуры, центрированные на вознаграждении”), оказываются притягательным примером для людей, живущих в условиях иерархических традиционалистских систем, основанных на командном управлении и репрессиях, а потому обладают значимыми конкурентными преимуществами в исторической перспективе. “Им свойственно не только самосохраняться в конкурирующем мире, но и широко транслировать собственную систему ценностей, навязывать ее аскетически репрессивному миру традиции, медленно и неуклонно размывая этот мир” [Яковенко 2011, с. 20].

Многоотраслевое общественное развитие, направляемое деятельностью удовлетворяющих свои потребности индивидов, в ходе которого качественно менялись и сами люди, и их потребности, и общество, проходящее сквозь кризисы, откаты и случайные пробы истории, привело к тому, что частный интерес уже нельзя загнать обратно в об-

щинный или колхозный мир, как нельзя затолкать выдавленную пасту обратно в тубик. При этом частный интерес современного человека невозможно реализовать вне глобального сетевого общества. Наверное, слишком самоуверенно было бы называть это “концом истории”, но это действительно итог (наверное, промежуточный, но, скорее всего, не подлежащий ревизии) длительной общественной эволюции.

* * *

Праксиологический взгляд на ход истории позволяет увидеть, что правы и те, кто указывают на существование исторических закономерностей и тенденций, и те, кто обращают внимание на многовариантность путей истории и уникальность исторических событий. «Истина “белая”», – заметил П. Сорокин, имея в виду, что она вмещает широкий спектр воззрений, подобно тому, как “белый цвет является результатом сочетания всех цветов радуги” [Сорокин 2006, с. 321]. Но важно понимать, что и закономерности, общие тенденции (векторы) исторического процесса, и его многовариантность зиждутся на деятельности удовлетворяющих свои потребности и создающих те или иные социумы индивидов – субъектов исторического процесса. Исторические закономерности и тенденции *формируются* в ходе самой истории как результат человеческой деятельности. В этом их отличие от природных законов. Жидкость при нагревании не может не закипеть при *строго определенной* температуре, как и металл – не может не расплавиться. Люди могут, например, избегать обмена, разделения труда и продолжать вести натуральное хозяйство. Никакой “железный” исторический закон *не заставляет* их специализировать производство и заниматься обменом. К этому подтолкивает желание лучше удовлетворять собственные потребности.

Социумы, которые по тем или иным причинам не реализуют возможности специализации и обмена, отказываются тем самым от формируемых ими эффектов и вынуждены “нести на себе пагубные последствия пренебрежения” [Менгер 2005, с. 96] этими возможностями. Они либо “растворяются” в истории, либо сохраняются на периферии общественной эволюции, как некоторые племена, существующие в труднодоступных районах практически в первобытных условиях. А общества, реализующие эти возможности наиболее успешно, оказываются лидерами развития. При этом “рост цивилизации происходит главным образом благодаря тому, что индивиды умеют наилучшим образом использовать разного рода случайности, с которыми им приходится сталкиваться, и тому, что один получает непредсказуемые по своей природе преимущества перед другими благодаря тому виду знания, которым обладает” [Хайек 2018, с. 478].

В древности наиболее значимыми факторами существования и развития человеческих обществ были природные, и их различие определило многовариантность эффективных общественных структур, институтов и культурных особенностей [Баткин 2013, с. 78–80]. Впрочем, во всех этих вариантах можно выделить две главных модели социальной организации – авторитарно-иерархическую и рыночно-сетевую, взаимодействие и конкуренция которых (в том числе – внутри отдельных социумов) проходит красной нитью через всю историю человечества начиная с Античности [Ясин, Снеговая 2009, с. 12].

В эпоху современного экономического роста, индустриализации и формирования постиндустриального общества преимущества рыночно-сетевой модели стали неоспоримыми. Попытка противопоставить ей систему централизованного государственного планирования, представлявшую собой апофеоз авторитарно-иерархической модели, показала свою полную несостоятельность. К завершению XX в., хотя авторитарно-иерархическая модель не ушла в прошлое, никакой *конкурентоспособной* альтернативы рыночно-сетевой модели уже не было. Именно это стало основанием для Ф. Фукуямы к тому, чтобы возвестить о возможном “конце истории”.

Новые тенденции в социальных и экономических взаимоотношениях, проявившиеся в XXI в. и опирающиеся на развитие цифровых технологий, “обозначают движение... к новой фазе развития рыночной экономики” [Мачерет 2019^а, с. 62]. И это, исходя из праксиологического подхода, можно считать вполне закономерным результатом исторического развития. Однако развитие не остановилось, оно продолжается, причем с ускорением, и его дальнейший ход будет определяться действиями людей, отстаивающих многообразные ценности, удовлетворяющих свои изменяющиеся потребности, реализующих соответствующие интересы, подчас конкурирующие с интересами других людей. Будущее открыто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. (2015) Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития // *Общественные науки и современность*. №1. С. 139–147.
- Арон Р. (2010) Измерения исторического сознания. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.
- Аузан А.А. (2007) “Колея” российской модернизации // *Общественные науки и современность*. №6. С. 54–60.
- Балацкий Е.В. (2012) Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // *Журнал экономической теории*. №2. С. 48–63.
- Баткин Л.М. (2013) О всемирной истории. М.: РГГУ.
- Васильев Л.С. (2007) Всеобщая история. В 6 т. Т.1. Древний Восток и античность. М.: Высшая школа.
- Васильев Л.С. (2011) Эволюция общества. Типы общества и их трансформация. М.: КДУ.
- Гринин Л.Е. (2006) Философия, социология и теория истории. М.: КомКнига.
- Дерлугьян Г. (2013) Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Издательство Института Гайдара.
- Дьяконов И.М. (2007) Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига.
- Капица С.П. (2012) Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн.
- Коротаяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. (2005) Законы истории. Математические модели исторических макропроцессов. М.: URSS.
- Ле Гофф Ж. (2005) Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория.
- Лоренц К. (2008) Так называемое зло. М.: Культурная революция.
- Мачерет Д.А. (2014) Транспортный фактор в эпоху древних цивилизаций // *Мир транспорта*. Т. 12. №2 (51). С. 230–241.
- Мачерет Д.А. (2019^б) Транспортный фактор формирования эпохи современного экономического роста // *Экономическая политика*. Т. 14. №1. С. 154–179.
- Мачерет Д.А. (2019^а) “Цифровой социализм” или расширение свободы индивида? // *Общественные науки и современность*. №2. С. 54–65.
- Менгер К. (2005) Избранные работы. М.: Изд. дом “Территория будущего”.
- Мечников Л.И. (2013) Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-пресс.
- Мизес Л. фон (2009) Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум.
- Мизес Л. фон (2008) Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Моррис И. (2016) Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще. Закономерности истории и что они сообщают нам о будущем. М.: Карьера Пресс.
- Мэддисон Э. (2012) Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара.
- Назаретян А.П. (2015) Мегаистория и ее “загадочная сингулярность” // *Вестник Российской академии наук*. Т. 85. №8. С. 755–764.
- Назаретян А.П. (2012) Мегаэволюция и Универсальная история // *Универсальная и глобальная история (Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества)*. Волгоград: Издательство “Учитель”.

- Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. Дом ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Оруджев З.М. (2009) Природа человека и смысл истории. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.
- “Особый путь” страны: мифы и реальность. Под общ. ред. А.В. Оболонского (2018). М.: Мысль.
- Паин Э.А. (2009) Распутица: Полемиические размышления о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН.
- Пелипенко А.А. (2011) Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.
- Плискевич Н.М. (2010) Тупики инструментальной модернизации // *Общественные науки и современность*. №2. С. 78–85.
- Плискевич Н.М. (2016) “Path dependence” и проблемы модернизации мобилизационного типа // *Мир России*. №2. С. 123–143.
- Розов Н.С. (2015) Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // *Общественные науки и современность*. №6. С. 151–162.
- Ротбард М. (2010) Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум.
- Рубцов А. (2019) История свободы после “Конца истории” // *Новая газета*. №37. 5 апреля. С. 8–9.
- Слезкин Ю.Л. (2019) Дом Правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ: CORPUS.
- Смит А. (2009) Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Сорокин П.А. (2006) Социальная и культурная динамика. М.: Астрель.
- Суетов Л.А. (2018) Философия истории: некоторые исторические понятия и законы // *Вестник СПбГИК*. №4 (37). С. 35–37.
- Терборн Й. (2015) Мир. Руководство для начинающих. М.: Изд. Дом ВШЭ.
- Тойнби А. (1991) Постигание истории. М.: Прогресс.
- Трудюлюбов М. (2015) Люди за забором: Частное пространство, власть и собственность в России. М.: Новое издательство.
- Фицпатрик Ш. (2018) Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара.
- Фромм Э. (2003) Бегство от свободы. Минск: Харвест.
- Фукуяма Ф. (2005) Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Ермак.
- Фюкс Р. (2016) Зеленая революция: Экономический рост без ущерба для экологии. М.: Альпина нон-фикшн.
- Хайек Ф.А. фон (2018) Конституция свободы. М.: Новое издательство.
- Хикс Дж. (2006) Теория экономической истории. М.: НП “Журнал Вопросы экономики”.
- Шпенглер О. (1993) Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль.
- Яковенко И.Г. (2011) Россия и Репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф.
- Ясин Е.Г. (2013) Модернизация экономики и система ценностей // *Высшая школа экономики. Доклады 1999–2005*. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 255–316.
- Ясин Е.Г. (2011) Предисловие // Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Развилки новейшей истории России. М.: ОГИ. С. 5–10.
- Ясин Е.Г., Снеговая М.В. (2009) Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: Изд. дом ВШЭ
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Business.
- Allen R. (2011) *Global Economic History. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Clark G. (2007) *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Fukuyama F. (1989) The End of History? // *The National Interest*. No. 16. Pp. 3–18.
- Fukuyama F. (2008) *Falling Behind: Explaining the Development Gap Between Latin America and the United States*. New York.: Oxford Univ. Press.
- Goldstone J. (2013) *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Pastmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in Forty-Three Societies*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Le Goff J. (2010) *Un Long moyen age*. Paris: Hachette.

- Lin J.Y. (2012) *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Maslow A.H. (1954) *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
- Mokyr J. (2002) *The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Pomeranz K. (2000) *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Wittfogel K. (1957) *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven.: Yale Univ. Press.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Business.
- Allen R. (2011) *Global Economic History. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Andreev A.L. (2015) Specializaciya civilizacij i attraktory mirovogo razvitiya [Specialization of Civilizations and the Attractors of World Development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 139–147.
- Aron R. (2010) *Izmereniya istoricheskogo soznaniya*. [Dimensions of historical consciousness]. Moscow: Knizhnyj dom “LIBROKOM”.
- Auzan A.A. (2007) “Koleya” rossiyskoy modernizacii [“Track” of Russian modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 54–60.
- Balatsky E.V. (2012) Institucional'nye i tekhnologicheskie lovushki: analiz idey [Institutional and technological traps: analysis of the ideas]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, no. 2, pp. 48–63.
- Batkin L.M. (2013) *O vsemirnoy istorii* [About world history]. Moscow: RGGU.
- Clark G. (2007) *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Derlug'yan G. (2013) *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy* [How this world is organized. Sketches on macrosociological topics]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara.
- D'yakonov I.M. (2007) *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashih dney* [Courses of history: From the most ancient man to the present day]. Moscow: KomKniga.
- Fitzpatrik Sh. (2018) *Russkaya revolyuciya* [The Russian revolution]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara.
- Fromm E. (2003) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Minsk: Harvest.
- Fukuyama F. (1989) The End of History? *The National Interest*, no. 16, pp. 3–18.
- Fukuyama F. (2008) *Falling Behind: Explaining the Development Gap Between Latin America and the United States*. New York.: Oxford Univ. Press.
- Fukuyama F. (2015) *Konec istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST; Ermak.
- Fyuks R. (2016) *Zelyonaya revolyuciya. Ekonomicheskij rost bez ushcherba dlya ekologii* [Green revolution: Economic growth without sacrificing the environment.]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Goldstone J. (2013) *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Grinin L.E. (2006) *Filosofiya, sociologiya i teoriya istorii* [Philosophy, Sociology and Theory of History]. Moscow: KomKniga.
- Hayek F.A. von (2018) *Konstituciya svobody* [The Constitution of Liberty]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Hicks J. (2006) *Teoriya ekonomicheskoy istorii* [A Theory of Economic History]. Moscow: NP “Zhurnal Voprosy ekonomiki”.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Pastmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in Forty-Three Societies*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Kapitsa S.P. (2012) *Paradoksy rosta: Zakony global'nogo razvitiya chelovechestva* [The paradoxes of growth: laws of global development of humanity]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Korotaev A.V., Malkov A.S., Halturina D.A. (2005) *Zakony istorii. Matematicheskie modeli istoricheskikh makroprocessov* [The laws of history: mathematical models of historical macro processes]. Moscow: URSS.
- Le Goff J. (2005) *Civilizaciya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the medieval West]. Ekaterinburg: U-Faktoriya
- Le Goff J. (2010) *Un Long moyen age*. Paris: Hachette.

- Lin J.Y. (2012) *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Lorenc K. (2008) *Tak nazyvaemoe zlo* [The so-called evil]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya.
- Macheret D.A. (2019^a) "Cifrovoy socializm" ili rasshirenie svobody individa? ["Digital socialism" or the expansion of individual freedom?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 54–65.
- Macheret D.A. (2019^b) Transportniy faktor formirovaniya epohi sovremennoego ekonomicheskogo rosta [The Transport Factor of Formation of the Era of Modern Economic Growth]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 14, no. 1, pp. 154–179.
- Macheret D.A. (2014) *Transportniy faktor v epokhu drevnih civilizatsiy* [Transport factor in the era of ancient civilizations]. *Mir transporta*, vol. 12, no. 2 (51), pp. 230–241.
- Maslow A.H. (1954) *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
- Mechnikov L.I. (2013) *Civilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki* [Civilization and great historical rivers]. Moscow: Ajris-press.
- Maddison A. (2012) *Kontury mirovoy ekonomiki v 1–2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoy istorii* [Contours of the World Economy, 1-2030 AD. Essays on Macro-Economic History]. Moscow: Izd. Instituta Gajdara.
- Menger K. (2005) *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: Izd. dom "Territoriya budushchego".
- Mises L. von (2008) *Chelovecheskaya deyatelnost': traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human Action: A Treatise of Economics]. Chelyabinsk: Socium.
- Mises L. von (2009) *Teoriya i istoriya: Interpretatsiya social'no-ekonomicheskoy evolyucii* [Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution]. Chelyabinsk: Socium.
- Mokyr J. (2002) *The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Morris I. (2016) *Pochemu vlastvuet Zapad ... po krajnej mere, poka eshchyo. Zakonomernosti istorii, i chto oni soobshchayut nam o budushchem* [Why the West Rules—For Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future]. Moscow: Kar'era Press.
- Nazaretyan A.P. (2012) *Megaevolyuciya i Universal'naya istoriya* [Mega-Evolution and Big History]. *Universal'naya i global'naya istoriya (Evolyuciya Vselennoy, Zemli, zhizni i obshchestva)*. Volgograd: Izdatel'stvo "Uchitel'".
- Nazaretyan A.P. (2015) *Megaistoriya i eyo "zagadochnaya singulyarnost'"* [Megahistory and Its Mysterious Singularity]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 85, no. 8, pp. 755–764.
- Nort D. (2010) *Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow: Izd. Dom HSE.
- Nort D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
- Orudzhev Z.M. (2009) *Priroda cheloveka i smysl istorii* [Human nature and the meaning of history]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- "Osoby put'" strany: mify i real'nost' (2018) ["Special Way" of the country: myths and reality]. Ed. A.V. Obolonskiy. Moscow: Mysl'.
- Pain E.A. (2009) *Rasputica: Polemicheskiye razmyshleniya o predopredelyonnosti puti Rossii* [Impassability: Polemic reflections on the predetermined path of Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Pelipenko A.A. (2011) *Dualisticheskaya revolyuciya i smyslogenez v istorii* [The dualistic revolution and meaning-genesis in history]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- Pliskevich N.M. (2010) *Tupiki instrumentalnoy modernizatsii* [The Deadlock of Instrumental Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–85.
- Pliskevich N.M. (2016) "Path dependence" i problemy modernizatsii mobilizatsionnogo tipa ['Path Dependence' and the Problem of Modernization from Above]. *Mir Rossii*, no. 2, pp. 123–143.
- Pomeranz K. (2000) *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Rothbard M. (2010) *Vlast' i rynek: gosudarstvo i ekonomika* [Power and Market: Government and Economy]. Chelyabinsk: Socium.
- Rozov N.S. (2015) *Uskorenie istorii: prichinnyye mekhanizmy i predely* [Acceleration of History: Causal Mechanisms and Limits]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 151–162.
- Rubtsov A. (2019) *Istoriya svobody posle "Konca istorii"* [The story of freedom after the "End of History"]. *Novaya gazeta*, no. 37, 5 aprelya, pp. 8–9.

- Shpengler O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. 1 Geshtal't i deystvitel'nost'* [Europe Sunset. Volume 1. Essays on the morphology of world history]. Moscow: Mysl'.
- Slyozkin Yu.L. (2019) *Dom Pravitel'stva. Saga o russkoy revolyucii* [Government House. The saga of the Russian revolution]. Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS.
- Smith A. (2009) *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Eksmo.
- Sorokin P.A. (2006) *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow: Astrel'.
- Suetov L.A. (2018) *Filosofiya istorii: nekotorye istoricheskie ponyatiya i zakony* [Philosophy of history: some historical concepts and laws]. *Vestnik SPbGIK*, no. 4 (37), pp. 35–37.
- Therborn G. (2015) *Mir. Rukovodstvo dlya nachinayushchih* [The World. A Beginner's Guide]. Moscow: Izd. Dom HSE.
- Toynbee A. (1991) *Postizhenie istorii* [A study of history]. Moscow: Progress.
- Trudolyubov M. (2015) *Lyudi za zaborom: CHastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii* [People outside the fence: Private Space, Power, and Property in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Vasil'ev L.S. (2011) *Evolyuciya obshchestva. Tipy obshchestva i ih transformatsiya* [The society's evolution. Types of society and their transformation]. Moscow: KDU.
- Vasil'ev L.S. (2007) *Vseobshchaya istoriya. V 6 t. T.1. Drevniy Vostok i antichnost'* [General History. 6 V. Volume 1. The ancient East and antiquity]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Wittfogel K. (1957) *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven.: Yale Univ. Press.
- Yakovenko I.G. (2011) *Rossiya i Repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and Repression: A Repressive Component of Russian Culture]. Moscow: Novyy khronograf.
- Yasin E.G. (2013) *Modernizatsiya ekonomiki i sistema cennostey* [Economic modernization and value system]. *Vysshaya shkola ekonomiki. Doklady 1999–2005*. Moscow: Izd. Dom HSE.
- Yasin E.G. (2011) *Predislovie* [Preface]. Gajdar E.T., Chubajns A.B. *Razvilki noveyshey istorii Rossii* [Forks of the modern history of Russia]. Moscow: OGI, pp. 5–10.
- Yasin E.G., Snegovaya M.V. (2009) *Tektonicheskie sdvigi v mirovoy ekonomike: chto skazhet faktor kul'tury* [Tectonic shifts in the global economy: what will the cultural factor say]. Moscow: Izdatel'skiy dom HSE.